

Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия

*Е.А. СТЕПАНОВА,
кандидат исторических наук*

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна родилась в Москве. В 1995 году с отличием окончила исторический факультет МГУ имени Ломоносова. В 1998 году получила степень кандидата исторических наук.

Ведущий научный сотрудник отдела международных политических проблем Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН); специалист по проблемам вооруженных конфликтов и неконвенциональных угроз безопасности. В 2001—2009 годах работала в Центре международной безопасности ИМЭМО руководителем группы по нетрадиционным угрозам.

В 2007—2009 годах в Стокгольмском международном институте проблем мира (СИПРИ) возглавляла программу по вооруженным конфликтам и их регулированию.

Автор четырех монографий, редактор и соавтор двух коллективных монографий, автор более 90 других научных публикаций. В 2006 году ее книга «Роль наркоторговли в политэкономии конфликтов и терроризма» (М., 2005) награждена медалью Российской академии наук. Входит в состав редколлегии рецензируемых журналов «Индекс безопасности» и «Terrorism and Political Violence» и в состав Совета Центра политических исследований в России (Центра ПИР).

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается перейти от традиционной интерпретации асимметричного вооруженного конфликта, как преобладания одной стороны в военном потенциале, к пониманию асимметрии как двустороннего соотношения, где преимуществами одной стороны являются сила и статус, а другой — мобилизационно-идеологический потенциал и особенности структурно-организационных форм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: асимметричный вооруженный конфликт, военный потенциал, статус, идеология, структурно-организационные формы.

SUMMARY. The author suggests to go beyond traditional interpretation of an asymmetrical armed conflict as a one-sided military dominance of one party and proposes a two-sided definition of asymmetry in conflict, where one protagonist enjoys conventional power superiority and formal status and the other displays higher mobilizing ideological potential and more flexible organizational forms.

KEYWORDS (TAGS): asymmetrical armed conflict, military power, status, ideology, organizational forms.

ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ понятия «асимметрия» применительно к вооруженному конфликту обычно внимание заостряется на значительной несоразмерности, неравенстве между противоборствующими сторонами прежде всего в их военном потенциале и ресурсах. Согласно такой интерпретации, *асимметричный конфликт — это не более чем противостояние между превосходящей по военной силе стороной и качественно более слабым по этому показателю противником*. Такая трактовка понятия «асимметрия» не только носит односторонний характер, но и совершенно не объясняет, почему, например, при явном военном превосходстве одной из сторон асимметричные конфликты как внутриполитического, так и транснационального типа, могут длиться десятилетиями, не приводя к какому-либо решающему исходу. Сведение асимметрии в конфликте только к «асимметрии силы» (особенно между двумя государствами) более не адекватно и основным тенденциям в развитии самих современных конфликтов и прежде всего абсолютному преобладанию внутригосударственных конфликтов, в том числе интернационализированных, над межгосударственными конфликтами.

Эволюция понятия асимметрии в конфликте. Ограниченный и устаревший характер стандартного определения асимметрии в вооруженном конфликте состоит в том, что оно учитывает лишь разницу в военном потенциале сторон. В современных условиях такое определение асимметрии практически теряет смысл, ибо, в соответствии с этим определением, сегодня большинство вооруженных конфликтов в той или иной мере носит асимметричный характер. Исключения составляют только два типа вооруженных конфликтов. Во-первых, это *крайне редкие* ныне *симметричные межгосударственные конфликты* (например, войны между региональными державами, обладающими сравнимым военным и экономическим потенциалом). За десятилетие с 1998 года в мире зафиксировано только два (!) симметричных конфликта этого типа, т. е. конфликта строго межгосударственного характера по поводу межгосударственных противоречий: между Эритреей и Эфиопией (1998—2000) и пограничные столкновения между Индией и Пакистаном (1997—2003). Во-вторых, это конфликты между негосударственными группировками без прямого участия государства в качестве хотя бы одной из сторон. Такие конфликты могут носить симметричный характер, но обычно отличаются меньшей интенсивностью и смертоносностью, чем конфликты с участием государств, и длятся сравнительно недолго¹.

* Если в 1946 году внутригосударственные конфликты составляли лишь 47 % всех конфликтов, то в последующие десятилетия их доля значительно возросла. За десятилетие с 1998 года конфликты по поводу внутригосударственных противоречий уже составили 95 % всех конфликтов, а с 2004 г. — 100 %. Здесь и далее в статье приведена статистика крупнейшей в мире Базы данных по вооруженным конфликтам Уппсальского университета (Швеция), согласно которой вооруженный конфликт определяется как «противоречие по поводу государственной власти или территории, оспариваемое путем применения вооруженной силы организованными военными формированиями как минимум двух противоборствующих сторон, которое привело к гибели как минимум 25 человек в год».

** Примером такого симметричного межгосударственного конфликта может служить ирано-иракская война 1980—1988 гг.

*** Большинство других конфликтов, включающих интервенцию одного или нескольких государств на территории другого государства, сегодня являются не межгосударственными конфликтами по поводу межгосударственных противоречий, а внешним военным вмешательством со стороны иностранного государства или блока государств во внутриполитический конфликт на стороне одного из участников этого конфликта. Во всех таких случаях внешняя военная интервенция только усиливает «асимметрию силы» в конфликте.

¹ Harbom L., Wallensteen P. Patterns of major armed conflicts, 1998—2007 // SIPRI Yearbook 2009: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2009, p. 79.

Если асимметрию в конфликте понимать только как асимметрию силовых потенциалов сторон, то под это определение попадут все остальные конфликты в мире (!), т. е. очень широкий спектр конфликтов. На одном конце этого спектра находятся абсолютно преобладающие ныне *внутригосударственные* конфликты, т. е. асимметричное вооруженное противостояние между государством и повстанческими группировками на почве борьбы за власть внутри государства или за контроль над определенной территорией, вплоть до ее отделения. Такие конфликты в основном ведутся на территории самого государства, но нередко «выплескиваются» за ее пределы и не исключают внешнего военного вмешательства. На другом конце спектра — асимметричные конфликты *между государствами* с разным военным и экономическим потенциалом, в основном в форме военных интервенций со стороны несравненно более сильного в военно-техническом отношении государства против гораздо более слабого. Если ограничить определение асимметрии лишь асимметрией потенциалов, то, например, абсолютное военно-техническое превосходство США над любым реальным и потенциальным противником означает, что любой конфликт, в который могут быть вовлечены США, по определению асимметричен. Примерами асимметричных межгосударственных конфликтов с участием США являются военные интервенции США в Ираке 1991 и 2003 годах².

Неудивительно, что в рамках такого военизированного подхода к определению асимметрии в конфликте, термины «асимметричная война» или «асимметричные методы ведения войны» (*asymmetrical warfare*) использовались чаще, чем понятие «асимметричный конфликт». В асимметричной войне применяется такой метод (тактика) ведения военных действий, при котором максимально используются наиболее слабые, уязвимые стороны противника и делается упор на существенное различие между сторонами в военной силе, технологиях, вооружении и правилах ведения военных действий³. Таким образом, термин «*асимметричные военные действия*» в равной степени применим как к межгосударственным, так и к внутригосударственным конфликтам, а также к конфликтам, в которые вовлечены разные по статусу игроки, но которые выходят за рамки территории одного государства. Термин «*асимметричная война*» не подразумевает никаких различий между этими типами конфликтов.

Такой односторонний подход к асимметрии при всей своей прямолинейности оставляет много неопределенности. Чтобы подчеркнуть необходимость выхода за рамки этого подхода, в данной статье предпочтение отдается более нейтральным терминам «*асимметричная конфронтация*» и «*асимметричный конфликт*».

Справедливости ради следует отметить, что в рамках военно-политической мысли и теории, прежде всего американской, еще на исходе «холодной войны» были предприняты попытки разработки доктрины участия в асимметричных субконвенциональных конфликтах — так называемых «конфликтах низкой интенсивности». Эта доктрина сформировалась под влиянием поражения США в войне во Вьетнаме

² Степанова Е.А. Глобальные тенденции в развитии современных вооруженных конфликтов // Union Magazine: спецвыпуск к Ярославскому саммиту по глобальной безопасности, сент. 2009, №1, стр. 40 — 53; Государство и человек в современных конфликтах // Международные процессы, янв. — апр. 2008, Т. 6, № 1, С. 29—40.

³ Operational Terms and Symbols. Field Manual no. 1-02 / Marine Corps Reference Publication no. 5-2A. — Washington D.C.: U.S. Department of the Army, 2002. P. 21.

⁴ Operations in a Low-Intensity Conflict. Field Manual no. 7-98 / U.S. Department of the Army. — Washington D.C.: GPO, 1992.

⁵ Сепанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 39—40.

(1965—1973) и была лучше приспособлена к тому типу конфликтов, в которых США все чаще участвовали в последнем десятилетии «холодной войны»⁴, и с которым СССР столкнулся в тот же период в Афганистане. В данном случае для нас интересна не столько градация конфликтов по уровню их интенсивности⁵, сколько то внимание, которое в ней уделено асимметричному характеру наиболее типичных для «конфликтов низкой интенсивности» форм и способов их ведения (партизанско-повстанческой тактики, терроризма и т. д.) и то, что она хоть в чем-то вышла за рамки чисто военной интерпретации асимметрии в конфликте. Эта доктрина впервые за период после окончания Второй мировой войны обратила внимание государства на то, что несоответствие обычного военного потенциала противоборствующих сторон в асимметричном конфликте отчасти компенсируется разным уровнем их политической и психологической готовности нести человеческие потери. Доктрина «конфликтов низкой интенсивности» указывала также на то, что несравнимо более слабый в военном, технологическом и экономическом отношениях противник может, тем не менее, обладать превосходством над более сильным оппонентом в степени решимости и политико-идеологической индоктринированности.

В конце XX — начале XXI веков эти идеи получили дальнейшее развитие в работах военных аналитиков. Асимметрия стала пониматься несколько более широко, подразумевая не только несоответствие в образе действий, но и «иную организационную модель и иной образ мыслей, чем у оппонента», различия не только в методах и технологиях, но и в «системе ценностей, организации, временной перспективе»⁶. Контрповстанческая доктрина по определению сосредоточена на противнике, избравшем асимметричную тактику противостояния. Наиболее продвинутые из современных контрповстанческих доктрин определяют террористические и партизанские действия со стороны повстанцев как угрозы, асимметричные «по своей природе», «спланированные таким образом, чтобы достичь наибольшего политического и информационного эффекта»⁷.

По мере быстрого и широкого распространения асимметричных угроз в конце XX и особенно в начале XXI века качественное содержание этого понятия уже не могло сводиться лишь к несоответствию военных потенциалов сторон. *Расширение* понятия асимметрии за счет дополнительного качественного параметра — статуса противоборствующих сторон — позволило бы ограничить спектр конфликтов, к которым оно относится, теми конфликтами, в которые вовлечены противники, разные не только по силе, но и по статусу, т. е. основным типом современных конфликтов. Неравенство силовых потенциалов, таким образом, стало бы лишь одним из двух основных сравнительных преимуществ более сильной в военном отношении стороны. Если же асимметрию рассматривать как «двустороннее» соотношение, когда и более сильный, и более слабый противник имеет свои преимущества в асимметричном противостоянии, то неравенство потенциалов вообще является лишь одной из как минимум четырех характеристик такой асимметрии.

Асимметрия силы. «Асимметрия силы» остается значительным, хотя и не единственным, критерием любого асимметричного конфликта.

⁴ Metz S., Johnson D.V. *Asymmetry and U.S. Military Strategy: Definition, Background, and Strategic Concepts*. Carlisle (Penn.): U.S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2001, P. 5—6. Подробнее см. также Reynolds J.W. *Deterring and Responding to Asymmetrical Threats*. Fort Leavenworth (Kans.): U.S. Army Command and General Staff College, School of Advanced Military Studies, 2003.

⁷ Counterinsurgency. Field Manual no. 3-24 / Marine Corps Warfighting Publication no. 3-33.5. Washington D.C.: U.S. Department of the Army, 2006. P. 3—18.

Этот критерий также чрезвычайно важен для объяснения ряда других характеристик и тактик современного асимметричного противостояния, например, потребности более слабой стороны в таких формах насилия, которые служили бы акселератором их потенциала в конфликте с несравнимо более сильным противником, которому они не могут эффективно противостоять обычными военными средствами. Прежде, чем перейти к другим характеристикам асимметрии, необходимо остановиться на трех особенностях военно-силовой асимметрии, о которых часто забывают.

Во-первых, асимметрия силы подразумевает не просто относительное или ограниченное, а качественное неравенство силы, резкую разницу в военном, технологическом и политико-экономическом потенциалах сторон.

Во-вторых, резкое несоответствие в ресурсах, которыми располагают противоборствующие стороны в асимметричной конфронтации, парадоксальным образом частично компенсируется обратным соотношением ресурсов, необходимых сторонам для эффективного противодействия противнику. Проще говоря, контрповстанческая и анти-террористическая деятельность, как правило, требует гораздо больших финансовых, технических и иных «обычных» ресурсов от государства, чем асимметричная тактика противостояния государству — от вооруженных повстанческих группировок.

В-третьих, как уже упоминалось, непропорционально высокий потенциал более сильного противника в асимметричном конфликте по определению оборачивается непропорционально большим ущербом и несравнимо большим числом жертв среди его оппонентов. Иными словами, более слабая сторона всегда несет несравнимо более тяжелые потери в вооруженном конфликте (как среди комбатантов, так и среди гражданского населения). Так, например, террористические действия со стороны негосударственных группировок, помимо прочего, служат попыткой сбалансировать «асимметрию жертв», так как в первую очередь заставляют страдать именно гражданское население «противника», ассоциируемое с государством, обществом в целом, доминирующей этнической или конфессиональной группой и т. п.

Статусная асимметрия. В большинстве определений асимметричного конфликта основной упор сделан на неравенстве силы, измеряемой в исчислимых параметрах (таких, как размер военных бюджетов, арсеналы вооружений, технологическое превосходство и т. д.). Лишь в некоторых определениях этот критерий дополнен другими военно-политическими характеристиками, например, асимметрией военно-политических целей противоборствующих сторон или несоответствием того смыслового содержания, которое стороны вкладывают в само понятие безопасности.

Первый шаг на пути выхода за рамки чисто военно-силового определения асимметрии — это признание того, что асимметрия имеет не только количественное, но и качественное и нормативное выражение. Главный качественный и нормативный параметр силы и влияния, который не поддается исчислению — это формальный статус сторон конфликта в рамках существующей национальной и международной системы. Иными словами, конфликт только тогда полностью асимметричен, когда несоответствие потенциалов (сил) дополнено статусным неравенством, т. е. когда противоборствующие игроки разного статуса. Такая двойная асимметрия (сила плюс статус) характерна как для конфликта между негосударственным игроком и государством на национальном уровне, так и для конфликта между транснациональной него-

сударственной сетью и группой государств или международным сообществом в целом.

Военный потенциал и формальный статус остаются ключевыми ресурсами государства в асимметричном противостоянии, несмотря на то, что в современном мире эти сравнительные преимущества медленно размываются — для одних государств в большей степени, чем для других. Например, во внутренних конфликтах на территории слабых и не полностью функциональных государств военный потенциал негосударственных игроков может приближаться к потенциалу государства. Формальный статус государства, как основного системообразующего игрока на международной арене, может быть ограничен растущей ролью международных институтов или неполным суверенитетом. Однако в данной статье асимметричный конфликт понимается именно как вооруженное противостояние, в котором резкий дисбаланс военного, экономического и технологического потенциала дополнен и усилен несоответствием в статусе сторон, т. е. статусным неравенством между негосударственным игроком и государством.

Двусторонняя асимметрия. До сих пор речь шла лишь об односторонней асимметрии, т. е. о сравнительных преимуществах более сильного и более высокого по статусу участника асимметричного конфликта. Между тем асимметрия в конфликте состоит не только в использовании более сильным игроком своих беспорных преимуществ. Она не бывает абсолютно односторонней и никогда не действует только в одном направлении. Если бы это было так, то ничто не мешало бы более сильной стороне использовать свою преобладающую военную, экономическую и другую мощь (усиленную наличием признанного, формального статуса) для полного и решительного разгрома своего противника, более слабого именно по этим параметрам.

Наряду с важными преимуществами, более сильная сторона имеет и свои, изначально присущие ей слабости, которые мешают ей оставаться неуязвимой. Эти слабости — обратная сторона ее главных преимуществ, а не мелкие временные недостатки, которые можно быстро устранить. Именно эти объективные слабости «сильного» позволяют «слабому» — стороне с более низким потенциалом и статусом — превратить «прямую», одностороннюю асимметрию в «обратную» и двустороннюю.

В рамках такой асимметрии у противоборствующих сторон разные, не совпадающие слабости и преимущества. Двусторонняя асимметрия включает в себя как использование более сильной стороной своих превосходящих ресурсов, так и другие ресурсы, с помощью которых, напротив, более слабый оппонент может эксплуатировать уязвимые стороны противника. В этом контексте на стороне государства — сила и статус, которые определяют прямую асимметрию или, по вертикальной шкале, действуют по направлению «сверху вниз» в пользу государства. Какие же ресурсы тогда играют на стороне более слабой стороны (негосударственного игрока) и определяют обратную асимметрию, действуя в противоположном направлении, «снизу вверх»?

Более слабая сторона, обладающая к тому же более низким статусом, не в состоянии эффективно противостоять государству «на его поле», т. е. на одном с ним уровне и на равных с ним условиях. Поэтому, для того чтобы превратить одностороннее превосходство государства в двустороннюю асимметрию, более слабая сторона ищет иную почву для противоборства и пытается опираться на иные ресурсы, чем те, которыми оперирует государство. Эти специфические ресурсы, или сильные стороны в остальном более слабого противника, как правило, не поддаются количественному исчислению. Тем не менее, они не сводятся лишь к рефлексивной реакции на действия более сильного оппонента.

⁸ Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты / ИМЭМО РАН. М., 2010.

Позволим себе предположить, что наиболее важными из сравнительных преимуществ более слабой по обычным параметрам стороны — негосударственных группировок и сетей — в асимметричном противостоянии государству являются: высокий мобилизационный потенциал их радикальных или даже экстремистских идеологий, проявляющийся при конкретных условиях в определенных сегментах общества, и специфика их структурно-организационных форм⁸. Иными словами, асимметричные ресурсы «слабого» следует искать в области идеологии и структуры.

Идеологическая асимметрия. Противостоящие государству вооруженные организации, особенно те, которые систематически используют такие «крайние» методы вооруженного насилия, как, например, терроризм, имеют в своем распоряжении высокий мобилизационный потенциал, который их экстремистские идеологические установки демонстрируют в определенных сегментах общества, и более высокую степень идеологической индоктринации, чем у государственных игроков. Этот потенциал экстремистской идеологии адресован не только «врагу», но и той, пусть даже сравнительно небольшой, части этнической, религиозной и/или социальной группы, от имени которой выступают вооруженные повстанческо-террористические группировки и защиту интересов которой они провозглашают своей целью. Именно на эти круги экстремистская идеология оказывает наиболее сильное и ощутимое воздействие, именно их она вдохновляет переходить «от слов к делу», т. е. от политико-идеологических или религиозно-политических дискуссий и планов к их продвижению путем вооруженного насилия, в том числе терроризма. Иными словами, если и есть сфера, где «обратная асимметрия» сильнее всего играет в пользу «слабого», то эта сфера — идеологический фронт. Как отмечал теоретик и практик «городской герильи» (партизанской войны в городских условиях) Карлос Маригелла, более слабая в конвенциональном отношении сторона — повстанцы — «уступают врагу в области вооружений», но с мобилизационно-идеологической точки зрения обладают «неоспоримым превосходством»⁹.

Это совершенно не означает, что экстремистские идеологические установки негосударственных игроков, готовых взять в руки оружие, а тем более применять или угрожать насилием гражданскому населению, имеют больший вес или более широкий резонанс, чем основные идеологии национальных государств или более умеренных негосударственных игроков (например, рыночная демократия или умеренный, «модернизационный» национализм). Напротив, чем более радикальна идеология, тем более утопично пропагандируемое ею мировоззрение, нереалистичны ее конечные цели и неадекватна оценка настоящего и особенно будущего. Такая идеология проигрывает доминирующим идеологиям системных игроков — государств и межгосударственных институтов — по всем статьям, уступает им по всем параметрам, кроме одного.

Единственное, но оттого не менее значимое, сравнительное преимущество экстремистской идеологии над умеренными идеологиями состоит именно в тех высоких мобилизационных возможностях, которые она демонстрирует в специфических условиях асимметричной конфронтации на локальном или транснациональном уровне. Силы и организации, готовые взяться за оружие, чтобы оспорить статус-кво и противостоять господствующей социально-политической системе на национальном или международном уровне, отличает особо рьяная приверженность политико-идеологическим или религиозно-идеологическим установкам радикального толка. Они сильнее мотивированы, обладают более высокой степенью идеологической индоктринации и решимости, сильнее привержены своим политико-идеологическим (религиозно-идеологи-

⁹ Marighella C. *Minimanual of the Urban Guerrilla*. Boulder (Col.): Paladin Press, 1975. P. 5.

ческим) целям, чем их оппоненты, которые ассоциируются с господствующими идеологическими тенденциями.

Эта «обратная» идеологическая асимметрия, т. е. мобилизационное превосходство экстремистской идеологии той стороны, которая слабее своего главного противника по остальным параметрам и ниже его по статусу, является ключевой характеристикой основной формы современного асимметричного конфликта. Асимметрия по линии «снизу вверх» — резкий мобилизационно-идеологический дисбаланс между сторонами, особенно непосредственно в зоне самого конфликта — главное условие превращения односторонней асимметрии в двустороннюю. Он также служит основой для целого ряда других качественных различий и несоответствий — таких, как несоответствие в целях сторон, различия в понимании и интерпретации ими базовых понятий «безопасность», «победа», «поражение» и т. д.

Структурная асимметрия. В отличие от радикального идеологического разрыва, который является обязательным условием двусторонней асимметричной конфронтации, *структурная асимметрия* — резкие различия в организационных формах противоборствующих сторон — имеет хотя и важное, но не решающее значение для асимметричной конфронтации. Резкое несоответствие организационных форм сторон, скорее, приобретает особое значение именно в сочетании с тремя другими базовыми критериями асимметрии (силовым потенциалом, статусом и мобилизационно-идеологическим ресурсом). Структурные модели вооруженных негосударственных группировок, оспаривающих статус-кво, их организационные особенности и то, в какой степени они имитируют или, напротив, отличаются от систем организации своих главных оппонентов (т. е. государств), сильно варьируются от одной группировки до другой. Эти структурные модели варьируются от жестких иерархий апокалиптических псевдорелигиозных культов (типа «Аум Синрикэ» (Япония) до крайне расплывчатых сетей, состоящих из полу- или полностью автономных ячеек, действующих не по приказу «сверху», а добровольно, в соответствии с общими идеологическими и стратегическими установками, исходящими от нескольких лидеров или идеологов (как транснациональное вооруженно-террористическое движение, вдохновленное примером и идеологией «аль-Каиды»). Тем не менее подавляющее большинство вооруженных игроков, ведущих асимметричное противостояние государству, группе или сообществу государств, имеют гораздо более гибкую и мобильную структуру, которая быстрее адаптируется к меняющимся условиям и в которой несравнимо большую роль играют сетевые элементы. При всем разнообразии организационных моделей повстанческо-террористических группировок важно подчеркнуть: *чем более радикально эти модели отличаются от тех, которые преобладают в структурно-организационных формах государств, тем сложнее государствам и сообществам государств противостоять таким негосударственным группировкам в асимметричной конфронтации.*

В целом, демилитаризация понятия «асимметрия» одновременно позволяет и расширить ее определение от одностороннего к двустороннему, включив в него асимметрию не только потенциалов, но и формально-политического статуса, идеологий и организационных форм, и предложить более четкое и сфокусированное определение асимметрии в вооруженном конфликте. Если в крайне редких ныне асимметричных конфликтах «чисто» межгосударственного характера (т. е. конфликтах между государствами по поводу межгосударственных противоречий) асимметрия носит частичный характер и ограничивается асимметрией потенциалов, то в преобладающем на сегодня типе асимметричных конфликтов — противостоянии между государствами и негосударственными группировками на уровнях от локального до глобального — речь идет о